Попаданка для герцога?

Автор:
Алёна Цветкова

Попаданка для герцога?

Алёна Цветкова

Женское счастье всегда представлялось Лильке простым и незамысловатым: любимый муж, который вот-вот поведет в ЗАГС, ипотечная квартира, работа в офисе… Она была довольна своей жизнью и не хотела ничего менять.Но однажды все сломалось: муж выгнал из дома, и она попала в другой мир прямо в руки к герцогу… Только он не хочет жениться, а Лилька готова побороться за место под солнцем.В книжке есть: прогрессорство, неожиданные повороты, интриги и заговоры, королевские тайны и скелеты в шкафу.

Алёна Цветкова

Попаданка для герцога?

Глава 1

– Лилька, – ругала я себя, – ты же умная, взрослая женщина. Как ты могла поверить этому обормоту? Почему ты не видела, что Марат сволочь, а не мужчина твоей мечты?!

Но я врала. Сама себе врала. Прекрасно я все видела и знала, что в нашей паре я люблю, а мой гражданский муж… теперь уже с полчаса как бывший… позволяет себя любить. Позволяет им восхищаться, превозносить и заботиться, не давая

ничего взамен.

Видела, знала. Но всегда находила оправдания его поступкам.

Не отвозит по утрам меня на работу? Так ведь в офис торопится! Я простой менеджер по персоналу, могу и на троллейбусе на пять минут позже приехать. А Марат финансовый директор. У него с утра совещания и встречи, никак опаздывать нельзя.

Не помогает мне по дому, не ходит за покупками и, вообще, индифферентно относится к моим просьбам о помощи? Так знала, кого выбирала! Это тебе не русский Иван, который Машу свою на руках носит. У Марата вера другая и воспитание соответствующее. И не виноват он, что в такой семье родился и к женщинам привык относится с пренебрежением. Его отец до сих пор мать поколачивает, а она плачет и терпит. Мол, сама виновата, недовольство мужа вызвала… Воспитание… А Марат на меня ни разу руку не поднял. Любит.

На работе задерживается, в командировки часто ездит? Так работа же! Деньги в дом приносит. А что мало, так это начальник виноват. Не ценит такого хорошего и старательного работника. Мне же не сложно, я пару компаний на подработку возьму. Сейчас столько отчетов новых, что каждой мало-мальской фирмочке кадровик нужен.

Не дарит подарки? Так ведь ипотека! И автокредит! Не до подарков. Зарплаты Марата как раз в банк отнести хватает. Но не для чужого же дяди, для себя все. А как за квартиру рассчитаемся, так и завалит меня муж подарками.

Так и жила, делая вид, что рядом настоящее золото, а не пирит (*золото дураков), пока не пришла сегодня с работы и не увидела в подъезде рюкзак с моими вещами и новенькую железную дверь, от которой у меня не было ключей.

Я еще долбила в нее, как дура. Думала, ошибка какая вышла, наговорил на меня кто-то. Все же вокруг нам завидуют. На меня смотрят и не понимают, как мышь серая такого мужа себе шикарного отхватила. Вот и решили нас поссорить. А Марат у меня восточных кровей, мужчина горячий и на расправу скорый. И к изменам относится очень отрицательно… я даже джинсы забросила в самый дальний угол и юбки стала в пол носить, чтобы лишний раз не нервировать. И блузки балахонистые. Мне же все равно, мне же другие мужики не нужны. А

мужу спокойнее.

Лилька-Лилька… я вздохнула, как всегда задним умом крепка.

Не ревность это была вовсе. Это последний платеж за ипотеку был. И решил Марат, что больше я ему не нужна. Закончился срок эксплуатации, пора подыскать новую жену. Благо теперь есть куда ее привести.

Это мне свекровь моя бывшая выдала. Другими словами, конечно. Мол, не пара ты, другая вера, и, вообще, тварь неблагодарная. А сыночек теперь себе хорошую девочку-татарочку найдет. Чистую, аки весенний цветок… А ты, Лилька, уходи лучше по-добру по-здорову. А то ведь забудет Марат про терпение свое бескрайнее, откроет дверь и нахлобучит по самые помидоры… ибо, ты, стервь бесстыжая, всю кровушку до капли у бедного мальчика выпила.

А что я? Я даже плакать не могла. Хохотала только, как сумасшедшая, на полу в подъезде валяясь, пока из соседней квартиры бабка Вика не вышла. Со стаканом воды и пузырьком валерьянки… Я пол пузырька в себя вылила.

Отсиделась на окошке, забрала шмотки свои и в парк потащилась. Зачем? Не знаю. Просто ноги понесли. Хотя по уму следовало на железнодорожный вокзал ехать. Там в тепле можно ночь провести. Все же март месяц только. К вечеру морозец крепенький ударил, все лужи тонкой коркой льда покрылись, проталины заиндевели, снова становясь белыми.

А я плюхнулась на лавку, богатства свои, трудом праведным за двадцать пять лет жизни нажитые, рядом положила. И позвонить некому на ночлег напроситься. За семь лет семейной жизни всех подруг растеряла, Марат не любил, когда мне кто-то звонил или приходил в гости, а речи о том, чтобы встретиться в кафе и вовсе не было. Нервничать муж будет, ревновать… Мало ли с кем я там в кафе встречаюсь?!

И вот тут меня накрыло. Выла я так, что последние посетители из парка сбежали, а сторож, наверное, в полицию позвонил, сообщил, что на его территории волк завелся. Долго рыдала, пока силы не закончились. Упала на рюкзачок свой, с которым в восемнадцать на порог нашей новой квартиры ступила, обняла и лежала всхлипывала. Горем своим упивалась и себя жалела. Больше мне ничего не оставалось делать.

– Слезами горю не поможешь, – внезапно раздался рядом со мной чей-то голос.

Я вздрогнула и подняла опухшие глаза, пытаясь разглядеть кто это говорит.

Рядом со мной сидела невысокая, хрупкая бабулька. О таких говорят старушка-божий одуванчик. В тоненьком пальто… как ей не холодно?.. без шапки. И волосы, оправдывая народную молву, вокруг головы, как пушистая шапочка, развеваются.

– Слезами горю не поможешь, – повторила она и улыбнулась, – не стоит он слез твоих. Считай, что жизнь тебя научила, как мужа выбирать.

Была бы я в своем уме, сразу бы неладное заподозрила. Откуда эта бабка знает, что я из-за мужа тут реву? Но я была слишком расстроена, чтобы думать. И, вообще, за семь лет брака привыкла скрывать, что способна соображать гораздо быстрее, чем хотелось бы Марату. И сейчас просто лупила глазками на старуху и молчала.

– А не найдется ли у тебя, девица, кусочка хлеба? С утра маковой росинки во рту не было.

Мой желудок радостно буркнул, поддерживая желание перекусить. Только денег у меня не было. Я же, шмыгнула носом, подбирая сопли, всю зарплату до копейки мужу отдавала. Я же женщина, а значит деньгами управлять не способна, умишка не хватает. А вот муж у меня финансист, и точно знает как правильно и с пользой тратить наши общие доходы.

Уже хотела сказать старушке, что ничем ей помочь не могу, но вдруг вспомнила – у меня с обеда остался бутерброд с колбасой. Маленький совсем, но на один зуб нам с бабкой хватит. Достала, пополам поделила, как смогла, и протянула большую часть:

– Вот, – всхлипнула я, – возьмите… Больше у меня нет.

– Благодарствую, – кивнула бабулька и, мягко коснувшись моей ладони сухонькими пальцами, взяла половинку бутерброда, откусила крошечный кусочек и зажмурилась от удовольствия, как будто бы это не старый, черствый

хлеб с заветренной колбасой, а самое изысканное лакомство, – ммм… как вкусно!

Да, уж, вздохнула, голод не тетка. И за один укус проглотила свою долю. Жаль попить ничего нет, сухая корка царапнула небо, после пролитых слез во рту пересохло. Я вздохнула, придется все таки на вокзал идти. Там и переночевать и в туалете попить можно.

Встала, котомки свои подобрала, а бабулька тут как тут:

– Сердце у тебя доброе, девица, последним куском хлеба ты со мной поделилась. Не могу я тебя без награды оставить. Да и не место тебе в этом мире. Иди, – ткнула она пальцем в сторону выхода из парка, – и будь счастлива. Он уж заждался тебя, – добавила с хитринкой.

Совсем у старухи голову повело. От голода, наверное. Может и я такая скоро стану. Или не стану. У меня же работа есть, попрошу аванс, сниму комнатку… Все потихоньку наладится, и забуду я Марата, как страшный сон. Зато впредь умнее буду, выбирая мужчину своей мечты. Любовь любовью, а голову все равно включать надо. И с открытыми глазами на него смотреть, не зажмуриваясь.

– Спасибо, – поблагодарила я сумасшедшую старушку, а что тут скажешь-то еще? – Я на вокзал пойду, там переночую. Может быть вы со мной? В парке холодно уже, а там тепло…

– Ну, что ты, деточка, – махнула сухонькой ручкой бабулька, – у меня еще тут дел полно. Как все сделаю, так и вернусь. Так ему и передай, – добавила она, нахмурив бровки.

– Хорошо, – кивнула я и улыбнулась, – прощайте тогда. Доброй ночи…

– До свидания, деточка, – хихикнула загадочно старушка, – и тебе доброй ночки-то…

Закинула я рюкзак на плечи, сумку в руки и пошла прочь от странной бабки с ее странными пожеланиями. Старческая деменция – это страшно. Надо будет в полицию зайти, я осторожно вытащила телефон и, пока не ушла далеко,

щелкнула сидящую на скамейке бабульку. Вдруг ее потерял кто.

Я шла и шла, и вроде бы уже давно должна была дойти до выхода, но дорожка все тянулась и тянулась. Далеко я забралась, вздохнула, поплотнее закутываясь в свой старенький, видавший виды пуховичок. Марат всегда говорил, мол, зачем тебе новая одежда? Перед кем форсить собралась? А я только кивала, идиотка, правда, мол, незачем. Я же простой менеджер, а не финансовый директор. Лучше за ипотеку еще внести, быстрее рассчитаемся.

– Эх, Лилька-Лилька, – бормотала я про себя, стуча зубами. В воздухе ощутимо похолодало, а под ногами захрустел снег. Как будто бы не март, а январь. И сугробы вокруг вроде как больше стали. И деревья по-другому растут. И кусты другие. Что это такое? Куда это я попала?

Остановилась и по сторонам огляделась. Возникло у меня смутное ощущение, что куда-то не туда я иду. И, вообще, не помню я, чтобы в парке статуи стояли… и клумбы таких причудливых форм были… и дорожки так чисто скребли.

Это сейчас весна, и лед на тропинках у нас растаял, обнажая темные пятна тротуарной плитки местного производства. А тут вся дорожка, сколько глаз видит была выскоблена до глянцевой гранитной плитки благородного черно-серого цвета. Да у нас даже возле администрации города такой отродясь не водилось!

Я протерла глаза… гранитная плитка никуда не исчезла. И фонари вдоль дорожки горели, как-то очень быстро стемнело. Странные такие фонари. Старинные, красивые, с кованным декором. Я раньше такие только на фотография видела. И уж точно не могло их быть в общественном парке. Тут мигом все поломают. Если только на закрытой территории.

Кажется, я забрела куда-то не туда. В трех соснах заблудилась, у всех женщин географический кретинизм. Марат всегда так говорил.

Я застыла… тьфу, пропасть! Вот зачем я его все время вспоминаю? Почему до сих пор верю тому, что он говорил? Ведь если он, скотина такая, без малейшего зазрения совести на улицу меня выгнал, так значит и во всем остальном мог поступать так же! Бессовестно меня использовать, чтобы жить так, как ему самому удобнее.

Злость на Марата, на себя и на всю ситуацию в целом, волной поднялась во мне, стало жарко. Особенно ладоням, как будто бы у меня вместо крови жидкий огонь. И я опустила руки в снег, чтобы они немного остыли. Снег погасил пламя. Я сунула руки в карманы и огляделась. Надо решить, куда идти.

Звонкий собачий лай разорвал тишину. Прямо на меня по дорожке неслась свора огромных собак, оскалив зубы и свесив языки. Я невольно попятилась назад, забыв, что стою на краю дорожки, упираясь в снеговые отвалы. И рухнула спиной прямо в сугроб.

Ползла я по снежном полю от бегущих собак, по уши утопая в снегу, и думала, что опять как-то все глупо получилось. Вместо того, чтобы быстро бежать по чистой дорожке, я медленно плыву по снеговой целине. Может прав был Марат? И я просто дура? Собаки и то умнее, в снег не полезли, остались на дорожке и теперь хохотали оттуда надо мной, заливались.

Я доползла до дерева и села, опираясь спиной об шершавый ствол. Все. Хватит. Не могу больше. Я вымоталась и физически, и морально. Лишком тяжелый сегодня выдался денек.

Пока я барахталась, снег забился мне и в обувь, и в рукава, и даже под подол, и теперь медленно таял, забирая крохи моего тепла. А еще морозец поднажал немного. Хороший такой, крепкий. Январский. Я слышала, как кора дерева за моей спиной затрещала. В сон меня потянуло со страшной силой. Найдет завтра сторож замерзший труп в закрытой части парка… вот и конец моей истории…

Лай собак становился все дальше и дальше. И я заснула. Насовсем. И уже не увидела, как кто-то подошел к собакам узнать, кого они так яростно преследуют.

Глава 2

– Марат, милый, еще пять минут, – закапризничала я. Очень не хотелось мне вставать, хотя муж настойчиво тряс меня за плечо. Он не любил, когда я долго сплю по утрам, но по моим ощущениям еще совсем глубокая ночь.

– Что?! – Недоуменный мужской голос заставил меня испуганно распахнуть глаза. Надо мной навис незнакомец, с крупным крючковатым носом и пронзительно-зелеными глазами. Совсем не похож на Марата…

– Кто вы?! – взвизгнула я, пытаясь уползти от его руки, крепко держащей меня за плечо, – и что вы здесь делаете?!

– Что я тут делаю?! – недоумения в зеленых глазах стало еще больше, – А ты что здесь делаешь?!

Ох, какой тупица! Хуже, чем я! «Я здесь живу», – хотела ответить я. И вдруг все вспомнила… железную дверь, парк и собак, от которых я пыталась сбежать. Одновременно вернулось и ощущение собственного тела. Оказалось я страшно замерзла. Руки-ноги окоченели, а губы еле двигались. Я же помирать собралась! Некогда мне тут со всякими сомнительными личностями разговаривать! Перед глазами снова стало темнеть, и я вот-вот должна была снова провалиться в небытие…

– Сгореть мне на месте! – выругался незнакомец. Я фыркнула, ну, вот кто так смешно ругается? А этот дурачок закинул меня на плечо и куда-то потащил. Я даже заволноваться не смогла. И заснуть тоже, острое плечо незнакомца упиралось прямо в живот, отвлекая вспышками неприятной боли.

А потом мы куда-то зашли… там было тепло. Так тепло, что у меня почти сразу начали гореть щеки.

– Чарни, – заорал незнакомец, сгружая меня то ли на кушетку, то ли на диванчик, – срочно беги за Мором, а то сейчас эта шпионка сгорит!

– Экберт, – хохотнул молодой мужчина, – а ты уверен, что это шпионка, а не очередная охотница за твоим сердцем?

– А вы все шутите, сир, – зарычал мой незнакомец, – а я ее прямо прямо у вашей излюбленной тропинки нашел. Интересно, как она пробралась туда? Ни следа не оставила, и артефакты молчали. Если бы не собаки… а сейчас она еще и сгореть хочет, чтобы мы ничего не узнали.

– Какая талантливая девочка, – фыркнул молодой и приказал резко похолодевшим голосом, – выясни, на кого она работает и как обошла все наши охранные артефакты. И доложи. В любое время.

– Выясню, – кивнул мой, – и доложу.

Пока эти двое вели нелепый киношный диалог, я внимательно слушала… любопытно же, какие еще глюки придумает мой разум. У меня еще никогда глюков не было! Я даже допьяна всего один раз в жизни напилась. Но это давно было, еще до Марата… А это, оказывается очень забавно. Как будто бы 5D-фильм смотришь.. ну, в моем случае слушаешь, глаза-то я никак открыть не могла. И, вообще, у меня начался жар. Горело все: щуки, нос, уши, руки, ноги, но особенно ладони. Казалось я прямо сейчас вспыхну и исчезну, как мотылек в пламени свечи.

– Огонь у нее слабый совсем, – хмыкнул молодой, – странно…

– Простите, сир, – в моем глюко-сюжете появился еще одни персонаж, – позвольте мне…

Прохладная рука легла мне на лоб, и приятная свежесть, как круги на воде, стала расходиться от головы по всему телу, смывая жар, боль и даже усталость. Это было так хорошо, что, когда рука исчезла, я невольно захныкала. Попыталась потянуться за ней и… свалилась с диванчика, больно ударившись копчиком об твердый деревянный пол.

Я еще не успела открыть глаза, как вокруг захохотали мужчины. Судя по голосам, много… Разных…

И только двое молча смотрели на меня так, как будто бы я украла у них что-то важное.

– Какая забавная шпионка, – выдал молодой и симпатичный рыжик с крупными веснушками рассыпанными по круглому, улыбающемуся лицу. Кажется именно его все называли «сир». А мой, шатен с крючковатым носом и пронзительно зелеными глазами, недовольно скривился.

– Кто вы такие и что вам от меня нужно?! – я сидела на полу, в полутемной комнате, в окружении нескольких странно одетых мужчин. Будто бы у них тут костюмированный бал, и они напялили непривычно короткие, до талии, пиджаки и огромные шейные платки. Глядя на них, в голове всплывало слово «цилиндр» и хотелось представить рядом даму в старинном платье с турнюром.

Рыжик и мой шатен выделялись из общей массы, как новые автомобили в салоне трейд-ин. Они оба были в обычных фраках и кипенно-белых рубашках с галстуками-бабочками, но при этом ощущались еще более непривычными, чем ряженые. И опасными. Я чувствовала это на уровне инстинктов. И от угрозы в их взглядах мне захотелось заползти под диван и спрятаться в спасительной темноте.

– Кто мы? – хохотнул рыжик, – в Иносте совсем плохо с кадрами, раз ко мне послали такую глупышку?

– Или, наоборот, она слишком хитрая и наглая, – хмуро заметил шатен.

– Ребят, – догадалась я, – у вас игра какая-то, да? Квест? Я случайно к вам забрела, я не участвую. Отпустите меня, пожалуйста, – попросила я и соврала, – меня дома ждут.

– Врет! – резко заметил один из ряженных.

– Я и не сомневался, – хмыкнул шатен и, шагнув ко мне, подхватил под мышки и резко вздернул вверх, усаживая на табуретку.

Она стояла между диваном и столом. Обычным письменным столом, заваленным бумагой, как в любом нормальном офисе. Только ни за этим, ни за другими столами в кабинете не было компьютеров, а вместо привычного копира на тумбе в углу я увидела непонятный громоздкий ящик с клавиатурой, как у старинной печатной машинки.

И обои… ну, кто в офисе станет оклеивать стены тканью? Да еще в мелкий серо-голубой цветочек. И шкафы старинные ставить. Деревянные, и даже на вид тяжелые. Такой в одиночку не передвинешь, пупок надорвешь. И лампы. На каждом столе красовались керосиновые лампы, которые вот прямо сейчас и были единственными источникоми света. Я такие в последний раз видела в

детстве, на даче.

Эта комната совершенно точно не могла быть простым офисом рядом с парком, и больше всего походила историческую экспозицию в краеведческом музее. Но музеев рядом с нашим парком никогда не существовало.

– Где это я? – испуганно пролепетала я, пробегая взглядом по мужчинам, окружившим меня плотным кольцом, – и как я сюда попала?

– Нас тоже очень интересует последний вопрос, – мило улыбнулся рыжий. Но улыбка так и не растопила лед в его глазах. Он единственный, кроме меня, сидел, развалившись на диванчике. На том самом, с которого я только что свалилась.

– Я… я.. я не знаю, – ответила я, – я шла по парку, а на меня собаки… я хотела сбежать от них, но утонула в сугробе… а потом он, – кинула на шатена, – принес меня сюда.

После моих слов повисла пауза. А потом шатен спросил у рыжика:

– Мне донесли, что в Иносте появились люди, способные внушить человеку забыть то, что было на самом деле, и заменить воспоминая несуществующими событиями. Скорее всего ее обработали.

– Так это все не настоящее? Вы меня загипнотизировали? – догадалась я, протянула руку и дотронулось до стеклянного колпака лампы. – Ой! Больно!

Я одернула руку и подула на палец. От боли морок не рассеялся, и вокруг меня все осталось по-прежнему. Я снова оглядела замерших вокруг меня мужчин, взглянув на все другими глазами. И похолодела от осознания.

– Простите, – голос куда-то пропал, и из горла вырвался тонкий, цыплячий писк, – а как называется эта страна? И какой сейчас год?

Мне никто не ответил, шатен с рыжиком переглянулись и снова уставились на меня смутно знакомым взглядом юных вивисекторов… точно! Буквально час назад точно так же на меня смотрела старуха. Я чуть не подпрыгнула на

табуретке. Бабка же что-то бубнила про награду, другой мир и что кто-то уже совсем заждался меня…

– Бабулька! Это все она! – Воскликнула я и заторопилась рассказать все, пока не остановили, – я сидела в общественном парке на скамейке, а ко мне подошла старушка, сказала, что голодна. Я с ней последним бутербродом поделилась, а она заявила, что мне не место в этом мире и он меня уже тут заждался. А потом я пошла на вокзал, меня муж из дома выгнал, шла-шла… и тут собаки… и он, – я кивнула на шатена. Пока рассказывала свою невеселую историю, трясущимися руками достала телефон из кармана, открыла фото бабки и показала его мужчинам, – Вот она… И это другой мир, да? – закончила я жалобно, чувствуя, как к глазам подступили слезы.

– Бабуля! – хором завопили рыжик с шатеном, перебивая меня.

– Проклятая старуха! – выругался шатен, – никак не угомонится.

– Не врет, – фыркнул тот самый из ряженных, сдерживая смех.

А рыжий весело расхохотался:

– Значит девица все же по твою душу, Экберт! – он взгляну на меня, но теперь в его глаза плясали смешливые искорки, – а она ничего… если бы не эти странные мешковатые одежды и ужасная прическа.

– Вот сам на ней и женись, – зарычал шатен, – раз так нравится.

– Не надо на мне жениться, – всхлипнула я и разревелась второй раз за вечер, – верните меня домой!

– А ты хотя бы знаешь, кто он, – рыжик, посмеиваясь, кивнул на шатена. И сам тут же ответил, – он герцог Экберт Бартенбергский, двоюродный брат короля и очень, – заговорщицки подмигнул мне, – очень богатый человек.

– А он, – шатен сердито взглянул на рыжего, – и есть тот самый король. Его величество Тидерик IV Мерденбургский. Хочешь быть королевой, – хохотнул он, почему-то развеселившись, – покори сердце этого рыжего красавца.

– Э-нет, – рыжий, оказавшийся его величеством, откровенно ржал, как простой дворовый парень и грозил мне пальцем, – мне нельзя на тебе жениться, ко мне уже невеста едет. И поверь, любой красотке я предпочту союз с Треаной. А вот мой брат-герцог сейчас абсолютно свободен в своем выборе.

А я переводила взгляд с одного на другого и ничего не понимала. Что за бред они несут оба про замуж? Да я замуж, вообще, не хочу! Ни за герцога, ни за короля. Мне одного мужа на всю жизнь хватило.

– П-простите, – всхлипнула я, – а можно мне не выходить замуж ни за кого?

Мои слова произвели странный эффект. Герцог и король уставились на меня, как на внезапно заговорившую статую. Потом переглянулись, и герцог хмыкнул:

– Сомневаюсь, что это надолго. Но хотя бы на пару лет мы старуху угомоним.

– Ага, – кивнул король, – если девица выдержит эти пару месяцев… Но что нам делать с девицей? Или, судя по тому, что она сбежала от мужа, дамой?

– Да, что с ней делать, – пренебрежительно ответил герцог, – отправить с глаз долой, пока не передумала. Выделить в глуши поместье какое-нибудь крошечное, это же не на долго. Все равно скоро замуж выйдет.

– О! – Поднял вверх палец его величество, – я придумал. Выдам ей документы на Розанское баронство. Территории там после заговора зачищены, так что ей ничто не угрожает. Вокруг пустые земли, никого нет, значит есть надежда, что соседи до нее не скоро доедут. А если полгода без мужа продержишься, – обратился он ко мне, – награжу.

Вот тут я вздрогнула. Нет уж, еще одной награды мне не надо. Мне одной благодарности хватило выше крыши.

– Н-нет, спасибо, не надо, – открестилась я от вознаграждения, – а может вы меня домой вернете? – я уже не плакала, успокоилась. Как реветь, когда тут судьба твоя решается? Вдруг пропущу что-нибудь важное.

– Не можем мы тебя домой вернуть, – покачал головой его величество, – тут способности особенные нужны, и ими только наша прабабка обладает. А она с тобой не пришла.

– Она сказала, что у нее дел пока полно, как все сделает, так и вернется, – вспомнила я. И спросила, – а когда вернется, сможет меня обратно отправить?

Король виновато вздохнул и только открыл рот, чтобы что-то сказать, как герцог невежливо его перебил:

– Сможет, но только если замуж не выйдешь!

Король и все вокруг зафыркали. А я так и не поняла, что тут смешного.

– Хитер ты, Экберт, – покачал головой его величество, – да только смотри, как бы судьба хитрее тебя не оказалась. Отправь, – он запнулся, и обратился ко мне, – как тебя зовут?

– Лилька…

– Отправь баронессу Лили в гостиницу. Незачем, чтобы ее во дворце видели. А завтра документы получит и пусть отправляется к себе в поместье.

– Сделаю, – кивнул герцог.

Его величество еще раз мне мягко улыбнулся и ушел, оставляя меня на попечение герцога с колючим неприятным взглядом. Такой муж мне точно не нужен. Вот если бы король… сразу видно, очень добрый мужчина, мелькнула в моей голове мысль. И как он меня назвал! Баронесса Лили! Я себя сразу важной персоной почувствовала. Да, вздохнула, я бы хотела такого мужа.

– Что уже передумала? – презрительно скривился герцог, – уже замуж хочешь? Боишься одна в поместье ехать? – Мне кажется, он меня ненавидел. Но я же не виновата, что его прабабка решила меня замуж выдать, не спросив, согласна ли я на такой шаг.

– Поместье? – переспросила я, чувствуя как тревожно екнуло под ложечкой.

Мне дадут титул и поместье? Не квартиру, не дом, а целое поместье? Не верю я, что такие подарки просто так делаются. Попой чую, есть здесь какой-то подвох… Давай, Лилька, включай голову! Хватит притворяться глупее,чем ты есть на самом деле. Женщина ни в коем случае не должна быть умнее мужчины – еще одна сомнительная мудрость от моего бывшего, которой я следовала половину сознательной жизни.

Герцог тяжело вздохнул… Кажется, он, как и Марат, считал женщин вторым сортом людей.

– Скажите, сэр, – вспомнила я, как обращались к герцогу его подчиненные, сейчас с любопытством глазеющие на нас из-за своих столов, – что вы имеете в виду, говоря поместье? Я просто боюсь, что неправильно вас поняла.

Ну, а вдруг? Это же другой мир. И как-то сомнительно, что король будет раздавать каждой свалившейся ему на голову девице поместья. Так и разориться не долго.

– В вашем случае это земельное владение, – ответил он, – достаточное, чтобы вы не умерли с голоду, пока не выйдете замуж.

Я кивнула. Этого и следовало ожидать. В таком виде королевская милость уже не казалась подозрительной.

Хотя мне стало немножко обидно. Вопреки здравому смыслу, я уже успела немножко помечтать и представила, что поместье – это гораздо больше, чем «не умереть с голоду».

Я бы хотела крошечный замок с белоснежными стенами, сверкающими на солнце тысячами искр, чтобы издалека он казался сложенным из кубиков сахара-рафинада. И маленькая деревенька неподалеку, из которой счастливые и довольные крестьяне будут приносить мне молоко, сметану и творог от своих коров, яйца домашних кур с ярко-желтыми желтками, овощи, фрукты. И будут кланяться и благодарить меня за то, что так хорошо живется на моей земле.

– А сколько это соток? – вздохнула я, прощаясь с мечтой.

– Соток? – недоуменно переспросил герцог, – не знаю сколько ваших соток, но десятин в поместье, которое вам пожаловал его величество всего лишь около ста. Усадьба там совсем небольшая, но прислуга имеется, есть кому о вас позаботиться.

– О-ох! – только смогла выдохнуть я. Прислуга, усадьба, сто десятин… звучит солидно. И все это только ради того, чтобы я не вышла замуж? Моя подозрительность снова подняла голову. Но ответа у меня пока не было. И я решила, что раз ничего не могу изменить, то пока просто плыть по течению… авось все будет не так уж плохо.

Герцог презрительно хмыкнул и обернулся к своим ребятам.

– Чарни, проводи даму. Пусть Евон баронессе Лили одежду подберет. А все ее барахло спали сразу же. До нитки. Чтобы нигде ничего иномирного не всплыло. О том, что надо молчать откуда эта девица.. дама взялась, я вам даже напоминать не буду, – с ними он говорил жестко, но все же презрения или пренебрежения в голосе не было. Он уважал тех, кто на него работал. А потом он повернулся ко мне, облил холодом из глаз и припечатал, – и вам, леди Лили, настоятельно рекомендую не распространятся о том, откуда и зачем вы пришли из вашего мира. Иначе это будет расценено как преступление против королевской семьи, и вас просто-напросто казнят. – Я испуганно кивнула. Горло от страха снова перехватило. А герцог окончательно добил, – отрубят вам голову.

Ой! Я замотала головой, как собачка на приборной панели. Какой-там рассказывать, да я, вообще, сомневаюсь, что после такого ужаса ко мне голос вернется.

Чарни, тот самый, который бегал за лекарем, вскочил из-за дальнего стола и оказался совсем юным мальчишкой. Понятно, почему он тут на побегушках.

– Прошу вас, леди, – он слегка поклонился мне, изящным жестом указывая на дверь. И я поняла, только что меня вежливо выперли, не давая прийти в себя после перспективы увидеть свою собственную казнь.

Деваться было некуда, встала и пошла к двери, хотела было взять рюкзак и сумку, но Чарни перехватил их раньше. И улыбнулся. А меня слегка отпустило от

его улыбки. Как приятно оказывается, когда тебе помогают хотя бы в такой мелочи. Марат всегда говорил… тьфу на него! Скривилась я от своих мыслей. Не хочу больше о нем помнить. У меня новая жизнь начинается. И хотя пока все очень странно, но пусть она сложится лучше, чем прошлая.

Глава 3

Путь в новую жизнь начался с препятствий. Евон, мужеподобная крупная женщина лет пятидесяти с широкими плечами атлета и плоской грудью, встретила меня с ненавистью. Она молча выслушала распоряжение герцога, переданное ей Чарни и кивнула… и все это, не отрывая от меня взгляда, от которого хотелось съежится и спрятаться под лавку. Здесь, в комнате похожей на кладовую-кастелянскую, кожаных диванов не было, зато вдоль стены стояли массивные, тяжелые, деревянные скамейки. На них Чарни и сгрузил мои вещи.

– Идем, – грубо буркнула Евон. И повела нас в свои пенаты. Она быстро достала из шкафов, где рядами висели вещи разных цветов и размеров, бледно-серое платье и сунула мне, указав крючковатым пальцем на ширму. Мол, иди, переодевайся.

Я вздохнула, мне, кареглазой и светло-русой такой цвет не шел совершенно, превращая и так невзрачную внешность в бледную серость. Но мне Марат и раньше не разрешал одеваться красиво, и привыкла я к таким нарядам.

Опять Марат! Да сколько можно! Я уже не с ним. Я уже так далеко, что он меня никогда не достанет! Так почему я до сих пор следую его правилам?!

– Нет, – остановилась я, споткнувшись о собственные мысли, – мне не нравится это платье. Дайте мне что-нибудь другое. Например вот это, – я ткнула пальцем в то, что висело рядом. Точно такой же фасон, тот же серый, но цвет намного темнее и насыщеннее. Мне должно быть хорошо.

Я не видела, но кожей почувствовала, как мгновенно накалилась обстановка. Ненависть тетки-кастелянши была почти осязаемой. Еще немного и случился случился бы взрыв.

– Евон! – Чарни пришел мне на помощь и перевел огонь на себя… вернее, на герцога, – его светлость будет очень недоволен… Очень…

И Евон сдержалась. Так же молча отобрала у меня светло-серое платье и сунула в руки то, что я выбрала.

Я шла к примерочной и у меня колотилось сердце. Я впервые за много лет настояла на своем. Я впервые за много лет не пошла на поводу у других, а сделала так, как хотела сама. И это было совершенно ошеломительно.

– Леди, – догнал меня голос Чарни, – вам придется снять с себя все до нитки, его светлость велел уничтожить все вещи, что вы принесли с собой. И мне бы не хотелось причинить вам боль пламенем, если вы друг решите оставить себе на память что-нибудь.

– Хорошо, – согласилась я, думая, что у меня нет ничего, что я бы хотела оставить. Наоборот, мой маленький протест и победа в нем окрылили меня. Я сама хотела раз и навсегда покончить с прошлым.

Я не успела снять свои балахоны, как за ширму бесцеремонно заглянула Евон и сунула мне целую кучу каких-то тряпок, оказавшихся нижним бельем. Его было непривычно много, но я легко разобралась что и в какой последовательности надевать. Мне нравилось смотреть на наряды позапрошлого века. Я иногда мечтала, что у меня будет что-то подобное. Очень приличное… еще бы с таким-то количество нижнего белья… чтобы не нервировать мужа, и очень красивое.

Во второй раз Евон заглянула ко мне за ширму, чтобы вручить теплые шерстяные чулки и высокие кожаные ботинки на шнуровке.

Платье сидело на мне идеально. За ширмой стояло большое, ростовое зеркало в тяжелой раме, и я с удовольствием покрутилась намного, любуясь новым нарядом. Даже мои блекло-русые волосы стали ярче, а глаза выразительнее.

– Леди, вы очень красивы, – улыбнулся Чарни, когда я вышла из-за ширмы. И от этой незамысловатой похвалы я вспыхнула и покраснела как девчонка. Даже мочки запульсировали, а в ушах зашумело. Так сильно смутил меня первый за много лет комплимент.

Пока я переодевалась, Евон и Чарни времени зря не теряли. И сейчас рядом с моими сумками высокими стопками лежала одежда и огромный деревянный чемодан (*классический чемодан для дилижанса имеет размеры 95*55*34см), с латунной фурнитурой и кожаными петлями по бокам для переноски.

– Леди, – Чарни начал складывать в чемодан вещи, комментируя, – это домашнее платье… прогулочное платье, точно такое же сейчас надето на вас… вечернее… еще одно вечернее… дорожное… два комплекта белья… обувь: домашние туфли… прогулочные… вечерние… дорожные… шаль… еще одна… в домах иногда бывает очень холодно… меховой жилет…

Он говорил и складывал, говорил и складывал, а я совершенно обалдевшая смотрела на эти горы платьев и не могла понять, зачем мне столько одежды? Да, у меня еще никогда столько всего не было… гребни, ленты, зеркало… когда один чемодан заполнился, Евон притащила откуда-то второй. Такой же монструозный. И только когда второй чемодан был наполнен доверху, Чарни сгреб последнюю кучку, которую выложила Евон на скамью, сунул ее в чемодан и вздохнул:

– Ну, это еще по мелочи. Дома посмотрите, леди.

С ума сойти! Я с ужасом прикидывала сколько могут весить два забитых до отказа огромных деревянных чемодана. И как я их понесу?!

– А! – Хлопнул себя по лбу Чарни и достал откуда-то из-за спины большую кожаную сумку, – вот, ваша дорожная сумка. Внутри сумочка для рукоделия со всем,что может пригодиться в первое время, ридикюль, и еще одна небольшая сумка. Уф, – выдохнул он, – вроде все, ничего не забыл. Да, Евон?

И она, окатив меня ненавистью, ткнула пальцем в еще одну гору… Да куда столько-то!

Но там оказался мягкая дубленка с вышивкой на груди и меховой отделкой, теплый капор украшенный перьями и мехом, огромная шаль или скорее вязаный плед, в который я при желании могла бы закутаться целиком.

– Теперь все, – улыбнулся Чарни и спросил, – леди вы точно ничего не оставили себе на память?

– Точно, – я кивнула, не отрывая взгляда от чемоданов. Как их нести?

А Чарни вдруг замер, а потом, резко выдохнув, взмахнул рукой в сторону моего маленького рюкзачка и крошечной сумочки. Мне даже показалось, что в его глазах мелькнули огоньки, а мои вещи вспыхнули синим пламенем и исчезли… Без следа… даже пепла не осталось… А если бы что-то оставила себе?! Ужас!

– Сгорели, – улыбнулся Чарни и спросил, – а вы, леди, разве так не можете?

Я замотала головой:

– Нет, – выдавила сипло, – у меня нет магии…

– Ежели ты баронесса, то есть, – буркнула Евон. И добавила, – и откуда ж бабка проклятая тебя такую малохольную приволокла. Не чета прошлым…

– Евон! – Остановил ее Чарни, – хватит! Ее величество просто заботится о своих правнуках. А вот за лишнюю болтовню еще и от его светлости может прилететь. Он велел молчать, что эта леди не наша. Поняла?!

– Поняла, – буркнула Евон и еще раз окатила меня ненавистью с ног до головы, – че б не понять… чай не дура.

– Леди, – улыбнулся мне Чарни и снова вытянул руку к дери, – прошу вас….

Я сделала шаг… Эйфория от победы над собой во время выбора платья прошла, усталость навались с новой силой, и больше всего я хотела упасть прямо здесь и уснуть. Даже есть уже не хотелось.

– А чемоданы? – спросила я, оглядывая свое богатство.

– Не беспокойтесь, их погрузят в карету, – улыбнулся Чарни, – а сейчас нам надо вернуться к его светлости. Он расскажет, что вам делать дальше.

Сердце прыгало, сбиваясь с ритма, всю дорогу до кабинета его светлости. Меня страшили и неизвестность впереди, и встреча с герцогом, который меня

ненавидел. Меня здесь все ненавидели. Кроме Чарни, который, улыбаясь, нес керосиновую лампу и вел меня по безликим серым коридорам. Они совсем не выглядели сколько-нибудь похожими на дворцовые. И кажется, мы шли не туда, откуда пришли. Но я не решилась ничего спрашивать, боясь снова показать себя глупой.

– Леди, прошу прощения, что приходится вести вас по коридорам для обслуги, но так велел его светлость.

Я кивнула. Слишком быстро произошло мое перевоплощение из нищей девицы в леди. Я еще не совсем понимала, как себя вести.

Кабинет герцога, и правда, оказался не той комнатой, куда он принес меня в первый раз. Тогда это был пусть странный, но привычный опен-офис. А сейчас его светлость сидел в просторном, несмотря на обилие шкафов вдоль стен, роскошном кабинете, погруженном во тьму, и что-то писал при свете керосиновой лампы красивой, резной деревянной палочкой, обмакивая ее в чернильницу.

Ой, Лилька-Лилька! В какой дремучий век ты попала! Еще даже ручку не изобрели!

– Сэр, – поклонился Чарни, – леди Лили готова к отъезду.

«Сэр» аккуратно отложил перо и посмотрел на меня. От неожиданности я неловко присела, растягивая в стороны подол платья… Из каких глубин моего сознания это выплыло, не знаю. Помнится, нас так в садике учили, и вот… само собой получилось. И я, конечно же, снова села в лужу, потому что герцог вылил на меня очередную порцию презрения, Чарни закашлялся, а я покраснела так, что дышать стало тяжело.

– Что же, «леди» – выделил он голосом кавычки, – сейчас вы поедете в гостиницу. Вам принесут ужин, и потом вы ляжете спать. И никакой самодеятельности! Пришли, поели и спать! Ясно?! – Я кивнула, чувствуя, как его ледяной голос замораживает жар внутри меня, заставляя дрожать, как от холода. Перестать смотреть вниз и взглянуть на герцога было выше моих сил. Почему он так меня пугает? Намного больше, чем мой бывший муж. – Завтра утром вы останетесь в номере до тех пор, пока за вами не придут… пока я сам за

вами не приду, – мне показалось, что он хотел сказать что-то другое, но исправился.

– Простите, – пискнула я, действуя на голом инстинкте самосохранения, – а можно за мной придет Чарни?

Чарни, шокированный моей невежливостью, закашлялся снова. Но в этот раз он совершенно точно скрывал не смех, а… страх. Интересно, то же я такого сказала, что даже Чарни испугался?!

От ужаса перед глазами замелькали черные мушки. А тут еще и герцог встал и медленно подошел ко мне. Я перестала дышать и невольно вжала голову в плечи. Я так и не решилась поднять взгляд с пола, поэтому видела только его туфли. Черные кожаные туфли с серебристой пряжкой. И брюки на нем уже другие, не те, в которых он был, когда нашел меня в парке. Его светлость стоял передо мной, молчал, перекатываясь с пятки на носок. А я больше всего боялась,что прямо здесь и сейчас упаду в обморок.

– Я сам приду за тобой, – когда ожидание стало невыносимым, произнес герцог. Жестко. Как будто бы припечатывая сверху сильным ударом.

Ну, сам так сам. Я кивнула, а он все так же продолжал стоять возле меня. Я чувствовала его взгляд затылком склоненной головы.

– Чарни, крикни, чтобы принесли леди шаль, она совсем замерзла, – приказал его светлость и наконец-то развернулся и пошел на свое место. А я чувствовала, как разжимается во мне сжатая до предела пружина.

– Благодарю, сэр, – пролепетала я, так и не решившись сказать, что дрожу я не от холода, а от страха.

Когда через пятнадцать минут я, облаченная в свою новую дубленку и капор, садилась в карету, на задках которой высились два моих чемодана, и чувствовала себя, как выжатый лимон. Спину холодило от пота, а руки так и не перестали трястись. Ой, Лилька… ну, ты и влипла… крутилось в голове.

Глава 4

В поездке из дворца в гостиницу меня сопровождал уже не Чарни, а пожилой и очень веселый подчиненный герцога. Я даже не спросила, как его зовут, а сам он так и не представился. Всю дорогу он фыркал в нелепые, густые и пушистые усы, стоящие торчком, и посмеивался: «Ну, Чарни… вот попал!.. Ну, его светлость… сам, говорит, приду! Ну, королева… угодила таки!» И так по кругу без остановки.

Я на всякий случай молчала. А то вдруг попаду, как Чарни? Мне же и моего попадалова достаточно. С этим герцогом лучше, вообще, никаких дел не иметь.

– Прошу вас, леди, – мой сопровождающие первый выпрыгнул из кареты и подал мне руку. Я оперлась на нее так, как будто бы проделывала подобное уже тысячу раз и, неожиданно легко спустилась по ступенькам.

Под ногами захрустел снег, а легкие обжег морозный воздух зимней ночи. В этой части города перед гостиницей было темно. И фонари, как в королевском парке, не горели. Если забыть,что я приехала на карете, легко можно вообразить, что я во дворе какого-нибудь очень провинциального отеля.

Само здание выглядело, как в старинном кино. Этого, если подумать, следовало ожидать, но мой мозг поломанный перемещением в другой мир и наличием тут магии, отказывался функционировать нормально. И я осознавала увиденное гораздо позже, чем следовало бы.

В гостинице пожилой подчиненный его светлости, что-то прошептал, выскочившему навстречу круглолицему молодому человеку. И тот, понятливо кивнув, засиял улыбкой:

– Леди Лили, добро пожаловать. Мы очень рады приветствовать гостью его светлости. Прошу вас, – он, как и Чарни, приглашающе взмахнул рукой в строну лестницы, – мы предоставим вам лучший номер в нашей гостинице.

Я поднималась по лестнице, сжимая в руках дорожную сумку, которую мне вручил Чарни. Впереди меня, показывая дорогу, шла служанка в темно-коричневом платье и белом переднике, держа в руках допотопный светильник.

Света было слишком мало, чтобы осмотреть обстановку, но самое главное, здесь было тепло, меня должны были накормить и уложить спать.

– Прошу вас, леди, – служанка открыла дверь и пропустила меня в комнату. В номере уже горела неизменная керосиновая лампа. Я вошла и замерла у входа, не зная что делать дальше. Служанка скользнула за мной и, погасив свою лампу, спросила, – вам помочь переодеться, леди?

– Да, – кивнула я, – пожалуйста. Мне немного непривычно…

Я вспомнила, что нельзя говорить о моем попаданстве, и замолчала, так и не сказав, как непривычно мне быть баронессой, но служанка догадалась обо всем сама:

– Вы впервые путешествуете в одиночку? – Я кивнула. И даже не соврала. – О! Леди, вы такая смелая. Не многие молодые женщины решатся на такое путешествие.

Одновременно она очень ловко расстегнула мою дубленку, одним движением освободила меня от ее тяжести, потом так же быстро и легко сняла капор, и не переставая щебетать, восхищаясь моей смелостью, сунула всю одежду в шкаф.

В этот момент в дверь аккуратно постучали, и четверо мужиков занесли в номер мои огромные чемоданы. Служанка тут же кинулась командовать, указывая куда их нужно поставить. А я, забытая всеми, села в кресло и, впервые за этот долгий вечер смогла расслабиться и выдохнуть. Нет, мне все еще было страшно и я все еще плохо понимала, что ждет меня дальше, но сейчас, в темноте гостиничного номера, вдали от страшного герцога, я вздохнула свободно.

Если забыть, что все это слишком похоже на затянувшийся ночной кошмар, то можно сказать, мне повезло. Я теперь не нищая девчонка, у которой за душой ни гроша, мне не придется ночевать на вокзале. Его величество в этом мире поступил со мной гораздо лучше, чем бывший муж там, дома. У меня теперь есть поместье и титул… Я баронесса. Обалдеть можно… Баронесса Лили…

Ужин принесли почти сразу, как мужики, затащившие багаж, вышли из номера. Служанка шустро расставила блюда на небольшом столике на две персоны, и подкатила его к моему креслу.

Я уже почти задремала, и если бы не настойчивость служанки, вручившей мне ложку и тараторившей, как заведенная, я точно осталась бы голодной.

– Леди, – рассказывала мне служанка, – вы, наверное, приглашены на бальную неделю? О! Это так здорово! Очень разумно, леди, что вы прибыли в столицу так рано, очень скоро все номера в гостинице будут заняты. Я слышала, послезавтра приезжает граф Майбарх… Два самых богатых холостяка на одном балу! Девицы просто с ума сойдут, – фыркнула служанка, забывшись и тут же замолчала, – простите, леди…

Я не совсем поняла, что это она извиняется, потому что во время монолога только кивала и жевала тушеные овощи в сливочном соусе, думая о том, что хочу спать. И быстрее бы уже эта девица выперлась из моего комнаты.

Но не тут-то было. Девица никуда не ушла, пока не вытряхнула меня из платья и не сунула в огромную, безразмерную ночную сорочку, и не уложила в постель. Я заснула прежде, чем моя голова коснулась подушки.

Мне показалось, что я только закрыла глаза, как кто-то осторожно тряхнул меня за плечо.

– Леди…леди… – меня разбудил настойчивый шепот вчерашней служанки, – простите, но к вам посетитель. Сам герцог Бартенбергский… ох, леди, – она восторженно вздохнула, – вы его невеста, да? Ой, леди, как же вам повезло! Он такой красавчик… а как посмотрит, так одним взглядом к месту пришпилит, как булавкой… ой, леди…

Я на мгновение застыла в недоумении, не сообразив, где я нахожусь. Все еще было темно, хотя проснувшись я поняла – уже утро. Память о вчерашних приключениях вернулась легким головокружением. И я застонала. Прощай век цифровых технологий, да здравствуют темные века! Захотелось свернуться калачиком и заплакать, но я мысленно дала себе подзатыльник. Вставай, Лилька! Не время вспоминать о прошлом и жалеть себя. Сначала надо как-то устроиться в новом мире, доехать до обещанного поместья, которое не даст мне умереть с голоду… А это уже первый плюс среди целой колонки минусов.

Еще меня ждет мой ночной кошмар – герцог. И чего он притащился в такую рань.

С помощью служанки я привела себя в порядок. Из-за того, что я не знала, как тут и что, и старалась поменьше проявлять инициативу, все прошло, как будто бы по маслу. Я нигде не прокололась, и делала то, что предлагала мне служанка. Хорошо, что в гостинице были канализация и водопровод. Не в такие уж темные века меня занесла судьба.

Зато из-за попадания я не страдала по Марату. Как отрезало. Ни капли чувств к этому мужчине во мне не осталось. Только неприязнь. Если бы не он, то сидела бы я сейчас в офисе, бумажк свои перебирала и была бы счастлива. А потом домой бы пошла… и жизнь моя пролетела бы по единственно-возможному сценарию: работа-дом-работа… а сейчас меня впереди ждет полная неизвестность. И только от меня зависит, что делать дальше.

Не знаю, что ждет меня впереди, но в одном я уверена, больше никогда ни одному мужчине не позволю обращаться с собой так, как позволила Марату. Я больше не хочу оказаться с вещами перед запертой дверью в свой дом. С этой секунды я в первую очередь буду думать о себе, и только потом о других. Да, я понимаю, что не робот, и переключить себя одной кнопкой, не могу. Но я буду очень стараться…

– Леди, – отвлекла меня от размышлений служанка, – какое платье вам приготовить? Синее или серое?

Вопрос поставил меня в тупик. Помнится Чарни, складывая вчера одежду в чемоданы, перечислял платья и говорил, какие куда нужно надевать, но я уже все забыла. И понятие я не имею какое платье будет прилично надеть, собираясь в дорогу. Герцог же говорил, что отправит меня в поместье после того, как отдаст документы на титул и земли. Значит…

– Дорожное, – резко и несколько грубо выдохнула я, и тут же поправилась, – пожалуйста.

Лучший номер в гостинице оказался симпатичным. Спальня, гостиная, гардеробная и ванная комнаты… по размерам вполне приличная двухкомнатная квартира, правда, без кухни. Комнаты светлые, просторные и обставлены вполне узнаваемой, хотя и немного непривычной мебелью.

Еще раз порадовалась, что в этом мире не дремучее средневековье с ночными горшками под кроватью. Я бы, конечно, выжила, куда делась бы, но здесь мне нравилось гораздо больше, чем в книжках про несчастных попаданок, которые мне доводилось читать.

Служанка накинула на меня длинный, до пола шелковый халат, кажется он был в кучке «мелочей», которые Чарни сунул в чемодан не глядя; усадила перед зеркалом и причесала, жалостливо вздыхая. Ее коса была длинной и толстой, с руку. Наверное, здесь не принято, чтобы женщины носили короткие стрижки. И мое каре выглядело в глазах местных жителей, как слегка отросшие после болезни волосы.

После безуспешных попыток сделать принятую в этом мире прическу, и я велела оставить волосы распущенными. Служанка в ужасе округлила глаза, но послушно отступила. Кажется, вздохнула, я опять сделала что-то не то…

Зато платье село на меня идеально. Все же Евон мастер своего дела. Вот так без примерки собрать гардероб, не каждому дано.

Глава 5

Через полчаса после пробуждения я уже спускалась по лестнице, в сопровождении служанки. Мне было страшно так, что сердце колотилось где-то в горле. Но в то же время я была полна решимости не дать герцогу запугать меня так же, как вчера.

А он стоял внизу и о чем-то тихо переговаривался с хозяином гостиницы, но, когда увидел меня, остановил разговор, и пошел ко мне навстречу.

– Леди Лили, – подал он мне руку, – сегодня вы выглядите гораздо приличнее, чем вчера.

Нет, ну вот каков, а? Это он, типа, комплимент сделал и унизил одновременно. Но сегодня я не осталась в долгу, помнила про свою установку не давать себя в обиду:

– Сегодня я выгляжу, как моя пра-пра-прабабка. Думаю, что в моем мире это платье не сочли бы приличным. Скорее смешным.

– У испуганного кролика прорезался голосок, – вскинул брови герцог и рассмеялся. А потом склонился к уху и зашептал, – испуганный кролик нравился мне больше.

– Нисколько не сомневаюсь, – вспыхнула я, – трусливый койот всегда выбирает самую слабую и испуганную жертву.

Ой, вот зачем я это сказала?! Решила поиграть в сильную личность?! Да он же меня сейчас одной левой прихлопнет! Захотелось вжать голову в плечи и испариться. Но я сдержала свой порыв и осталась стоять, гордо задрав нос.

Герцог зарычал, а его глаза снова засверкали от злости, но его лицо при этом оставалось спокойным и умиротворенным. И под локоток он меня поддерживал весьма учтиво. Но если бы можно было убить взглядом…

– Это вы-то слабая жертва? – зашипел он.

– Да, – кивнула я, – если вы трусливый койот…

Ой, Лилька, ты что болтаешь-то?! Мысленно завопила я. У меня душа ушла в пятки, сердце бухало, и я прилагала усилия, чтобы с писком не рвануть прочь. В норку.

Еще один тихий рык хищника перед прыжком, сухой треск сломанного… чего-то сломанного, я не решилась повернуть голову и посмотреть, что или кто пал жертвой герцогской ярости. А то вдруг следующей окажусь я?!

– Не думала, что вы настолько не в состоянии сдерживать свои эмоции…

Сказал кто-то моим голосом… Я прикусила губу, чтобы не сболтнуть еще чего-нибудь. И откуда у меня желание подергать тигра за усы? Я и есть испуганный кролик, готовый при любом намеке на опасность, бежать и прятаться. Так что же на меня нашло сегодня? Почему от страха я не бегу, а кидаюсь на зверя? Когда я говорила о желании не позволять мужчинам унижать себя, я думала скорее о

гордом молчании, а не об ответной агрессии.

– Не думал, что вы настолько глупы, чтобы провоцировать меня, – парировал герцог.

Да! Хотелось закричать в ответ. Я тоже не думала, что я такая!

– Вы сегодня еще не завтракали? – герцогу удалось справиться со своей ненавистью ко мне быстрее, чем мне со своими противоречивыми эмоциями, и он говорил совершенно спокойно. А вот я боялась открыть рот, чтобы снова что-нибудь не ляпнуть. Поэтому только помотала головой, чувствуя во рту вкус крови от прикушенной губы. – тогда позвольте пригласить вас в ресторацию. Мы с вами позавтракаем и поговорим о том, что вы будут делать дальше.

– Хорошо, – кивнула я и, задумавшись на секунду, добавила – если вы не будете меня задирать. А то я снова могу не сдержаться.

– Задирать?! – расхохотался герцог, а потом снова склонился ко мне и тихо спросил, – а если буду?

– Тогда вам придется еще раз что-нибудь сломать, – пожала я плечами.

– Я понял, муж выгнал вас из дома потому, что вы так остры на язычок, – ехидно оскалился герцог.

А мне сразу стало плохо. Вот зачем он напомнил мне про Марата? Я ведь почти справилась.

– Нет, – выдохнула я, – он выгнал меня потому что сволочь. Наглая и беспринципная сволочь… Вы очень на него похожи, кстати, – из моего рта вылетела очередная колкость.

– Сочту это за комплимент. – Пока мы «мило» беседовали, его светлость вел меня в ресторацию, расположенную прямо здесь, на территории гостиницы. И как раз сейчас дошли до столика, и герцог отодвинул стул, пришлая меня сесть.

– Очень зря, – вздохнула я и царственно опустилась на подставленный стул. Пусть я сама никогда не была в таких ресторанах с галантными кавалерами, а Марат никогда не утруждал себя ничем подобным, но фильмы-то я смотрела. И тысячу раз представляла себя на месте роскошных аристократок. И сейчас я, возможно, была не так элегантна, как нужно, но по-крайней мере, знала как это должно выглядеть со стороны.

Пока ждали заказанный завтрак, его светлость вручил мне документы на титул и поместье, снабдив дальнейшей инструкцией, которая звучала очень просто: прячешься в свою норку и сидишь, не отсвечиваешь. Кроме документов он сунул мне шесть небольших кожаных мешочков, в каждом из которых лежали монеты, необходимые для моего содержания на один месяц. И мне было велено, ежемесячно отдавать мешочки по одному экономке. А уж она сама знает, как ими правильно распорядиться. Если я смогу продержаться полгода и не выйти замуж, тогда его величество выделит хорошее приданное и устроит мне самую лучшую партию…

– Леди Лили, – герцог проникновенно смотрел на меня, но я чувствовала фальшь в его взгляде. На самом деле он вовсе не чувствовал ко мне ту благосклонность, которую демонстрировал. На самом деле он все так же меня ненавидел, – ваше баронство слишком маленькое, чтобы заинтересовать приличных женихов, но достаточное, чтобы заинтересовать тех, у кого нет ни кола, ни двора. Поэтому в ваших же интересах выдержать оговоренный срок. Тогда вы сможете стать женой обеспеченного, знатного и приближенного к королю аристократа. Вы меня поняли?

А мне было совсем ничего не понятно… Нет, ну про сроки и вознаграждение я поняла. Мне был не понятен сам первоначальный посыл. Почему все так уверены, что я выйду замуж так быстро? У них тут что, дефицит женщин?

– Потому что все женщины только и мечтают о том чтобы выйти замуж, – пожал плечами герцог и добавил, снова, как вчера облив меня презрением, – даже если говорят обратное.

На такое заявление я даже отвечать не стала. Просто пожала плечами и все.

Ресторация в гостинице была совсем небольшой, около десятка столиков, накрытых белоснежными скатертями, свисающими до пола, и расставленных в

отдалении друг от друга в просторной комнате. Из-за этого простора печь не справлялась с обогревом, и, хотя мы сидели совсем рядом с ней, я замерзла. Хорошо, что служанка накинула на меня шаль, когда я выходила из комнаты.

Мы уж позавтракали, официанты унесли пустую посуду, но герцог продолжал сидеть за столиком, пристально глядя на меня. Ненависть в его взгляде сменялась презрением, презрение ненавистью, а я уже, кажется, привыкла, и больше не боялась. Просто сидела и ждала, когда можно будет уйти.

– Леди Лили, – его светлость достал из кармана коробочку, в которой лежал кулон на длинной цепочке и несколько небольших, с ноготок, камушков, – ваши магические способности слишком слабы, чтобы имелся толк развивать их, но в то же время, не умея пользоваться магией, вы можете навредить себе и окружающим. – Он подтолкнул коробочку ко мне, – это магические накопители. Вы постоянно должны носить их так, чтобы камень прикасался к коже. Удобнее всего вкладывать кристаллы в это кулон и периодически менять. Когда кристалл из белого станет насыщенно красным, его нужно заменить. Вы поняли?

– Поняла, – кивнула я, – только у меня нет магии. И никогда не было.

– Если бы у вас не было магии, – постучал пальцем по коробочке герцог, – вы бы просто не прошли в наш мир, и даже бабуля ничего не смогла бы сделать. Она не отправила бы к нам девушку без магии, потому что тогда вы бы не получили титул, а, – он запнулся, но продолжил, – аристократы не женятся на простолюдинках.

– Но…

– Никаких «но»! – жестко оборвал меня герцог, начиная давить так же, как вчера в кабинете, – если вы не хотите сгореть от внутреннего огня как вчера, то будете носить этот кулон. В другой раз рядом может не оказаться королевского мага-лекаря. Вам ясно?!

Когда он сказал про «сгореть от внутреннего огня», я вспомнила про, что со мной было вчера, когда мы зашли в комнату. И если это было не от холода…

– Хорошо, – я протянула взяла кулон, в котором уже был закреплен кристалл и накинула его себе на шею, – я буду носить его постоянно, но что делать, когда

все кристаллы заполнятся?

– Вряд ли за полгода вы сможете заполнить хотя бы один кристалл, – презрительно посмотрел на меня герцог, – но если вдруг такое случится, отдайте его экономке, она найдет ему применение.

Опять экономка… деньги экономке, кристалл экономке… а я всегда думала, что экономка – это прислуга. А тут получается, она будет распоряжаться моими деньгами и, скорее всего, мной тоже. И это ужасно неприятно. Я больше не хочу быть несвободной.

– Скажите, сэр, – обратилась я к герцогу, – возможно в наших мирах эти понятия не совпадают, но кто такая экономка в вашем мире?

– Домоправительница, – кивнул герцог, – вы можете не переживать, что поймете что-то не так, или кто-то поймет вас неправильно. Прабабкина магия еще никогда не давала сбой. И если я говорю экономка, то вы понимаете это слово именно по его значению, а не звучанию.

Я хотела переспросить, потому что ничего не поняла. Но вовремя прикусила язычок. Еще не хватало давать повод для насмешек этому… герцогу.

Главное, я поняла, бабулька постаралась, чтобы между мной и жителями этого мира не возникло недопонимания, а остальное не так уж и важно. А с экономкой я справлюсь. Наверное.

Пока мы завтракали, мои монструозные чемоданы погрузили на карету. Мне предстояло отправится в свое поместье сегодня же. На дилижансе…

Я поинтересовалась, можно ли поехать на поезде, но ответ меня огорчил. Нельзя. Железных дорог построено пока еще очень мало. Фактически только две: от столицы до самого южного города и от столицы до самого северного города… или одна, если считать от границы к границе. А все остальное пространство страны, которая называлась Эста, предлагалось преодолевать как раз с помощью дилижансов.

Это мне еще повезло, что до моего поместья всего пять дней пути. Я ужаснулась, меня явно собрались закопать в какой-то тьма-таракани. Но оказалось, по местным меркам это практически пригород столицы.

На почтовой станции, откуда и отправлялись пассажирские дилижансы, мои чемоданы перегрузили в почтовую карету. Кроме меня желающих отправиться в путешествие не нашлось. Это в моем мире был март, а здесь зима была в самом разгаре и морозы стояли такие, что хороший хозяин собаку во двор не выгонит. И местные жители предпочитали переждать морозы дома. Только у меня не было выбора.

Замерзла я еще до того, как доехали до почтовой станции. Герцог, которые зачем-то отправился со мной, всю дорогу недовольно косился и презрительно хмыкал. Он-то и в сорокаградусный мороз чувствовала себя прекрасно, и даже побелевшие брови не заставили его накинуть на себя толстый и теплый тулуп, который лежал рядом, на скамье. Он так и сидел в длинном суконном то ли пальто, то ли пиджаке.

– Итак, леди Лили, – обратился он ко мне с напутственной речью, когда я собралась сесть в огромную, похожую на микроавтобус, карету, забитую мешками и коробками, – не забывайте. Вам нужно подождать всего полгода, потом вы сможете вернуться в столицу, и его величество сам подберет вам мужа из числа приближенных. Тогда вы останетесь жить в столице. Либо вы можете выскочить замуж за соседа, лишиться благосклонности короля и остаться в своем поместье на веки вечные. Вам понятно?

– Понятно, – огрызнулась я. Перспектива замерзнуть в дороге насмерть лишила меня страха перед герцогом. – Не переживайте, я не приеду к вам вообще никогда. Помру по дороге. Замерзну.

Герцог хмыкнул:

– Нет, уж, зубастый кролик, ваша смерть нам совершенно ни к чему. Наоборот, и король, и я крайне заинтересованы в том, чтобы вы были живы-здоровы. По крайней мере до тех пор, пока не выйдете замуж. – И скривившись от моей тупости, которая не позволила мне понимать очевидные, по его мнению, вещи, соизволил объяснить, – Пока вы в нашем мире и не замужем, прабабка не сможет отправить сюда новую девицу. И каждый месяц вашей холостой жизни

даст нам год свободы от ее козней.

Вон оно что! Теперь мне многое стало понятно. И титул, и поместье, и эта срочная отправка с глаз долой к черту на кулички, и настойчивые советы не выходить замуж. И вовсе это не по доброте душевной, не потому что я такая хорошая, а потому что так выгодно им. А на меня им наплевать.

– Тогда вам нечего беспокоиться, я не собираюсь замуж! Никогда! – припечатала я его светлость и на эмоциях одним прыжком влетела в дилижанс.

– Отлично, – холодно ответил герцог и сунул следом свой тулуп, – возьмите, укутайтесь в него хорошенько, и наденьте на ноги валенки, – он впихнул огромные, мне по колено, валенки, – прямо в обуви, чтобы теплее было. Здесь горячая еда и питье, – он поставил на пол кареты огромную корзину, завернутую в толстый пушистый то ли плед, то ли шаль, – вам хватит на все пять дней. Температура держится магией, но лучше, если вы не будете открывать крышку слишком часто. И последнее, – герцог достал из внутреннего кармана своего пиджака-пальто конверт, – возьмите. Отдадите начальнику Розанской станции, он выделит вам карету до поместья.

Я так растерялась от новых проявлений заботы, пусть даже это было продиктовано его собственными интересами, что молча выполняла то, что он говорил. Я ведь даже не подумала ни о чем… а он.. И когда протянула руку за письмом, он на мгновение задержал его в своих пальцах и улыбнулся:

– Удачи, испуганный кролик.

Глава 6

Дорога запомнилась мне… ничем. Темно, холодно и скучно. Я все пять дней просидела, завернувшись в теплый тулуп с головой, но все равно мерзла. Дилижанс останавливался каждые несколько часов, чтобы сменить лошадей, я во время этих частых остановок успевала сбегать в кустики. Горячая еда и питье были у меня с собой, спасибо герцогу. И хотя я так и не поняла, как оно работает, но последний пирожок, который я съела к концу пятого дня был таким

же горячим, как и первый.

Начальник Розанской почтовой станции, пожилой и очень толстый мужчина с добродушным взглядом маленьких глаз, прочитав письмо герцога, расплылся в улыбке и велел снарядить мне карету. Оказалось, что эта станция находится уже на моей земле, и, вообще, является единственным средством связи со столицей. И потому мне, как баронессе, лучше дружить с начальником станции. Ведь он может организовать мне доставку чего угодно: начиная от дамских журналов, заканчивая модисткой.

Я в принципе не была против дружить с кем угодно, тем более начальник станции мне скорее понравился, чем нет, и потому просто кивала на все, что он мне говорил. Я так устала за эти пять суток пути, что больше всего мечтала лечь и поспать в нормальной кровати.

А начальник станции, кажется радовался возможности поговорить. И вывалил на меня кучу полезных сведений, которые я постаралась запомнить.

До прошлого лета это баронство было частью владений какого-то там графа с труднопроизносимой фамилией. Он им почти не пользовался, приезжал пару раз в год половить рыбу в большом озере, поэтому усадьба здесь была совсем небольшая, хотя и содержалась в образцовом состоянии. Кроме озера и хозяйской усадьбы на территории баронства есть небольшой сад и маленькая, дворов двадцать, деревенька с крестьянскими наделами вокруг. А всю остальную площадь занимают леса и луга. Ни тебе пахотных земель, ни каких-либо других источников дохода.

Прошлым летом герцогом Бартенбергским был раскрыт заговор, в котором участвовали граф и его соседи. Заговорщиков казнили, земли отобрали, и вот уже больше полугода они находятся в королевской власти. А я, стало бы, одна из первых новых хозяев местных земель.

До ближайшего города – Крамсберга день пути дальше по дороге, то есть практически рукой подать. Городом пока заправляет присланный его величеством мэр из простых. И, вообще, аристократов в этой стороне сейчас почти и не встретишь.

Начальник станции старался вытрясти из меня столичные новости, но кроме того, что на бальную неделю должен был приехать граф Майбарх, я ничего сообщить не смогла. Но начальник станции пришел в восторг от этой новости и принялся гадать, кому из столичных аристократок удастся заполучить графа в мужья.

– Леди Лили, а вас стало быть герцог Бартенбергский сюда отправил аккурат накануне бала? Ох, чую я, леди, сам он на вас глаз положил, – довольно захихикал он, прикрывая рот пухлой ладонью с толстыми, как сардельки пальцами, – уж простите старику такую слабость, как любопытство к чужим жизням. Страсть как люблю великосветские новости: кто на ком женился, у кого детки появились, кого в отставку отправили, а кого, наоборот, его величество к себе приблизил.

И он так искренне радовался, что у меня не хватило духу перебить его и возразить, сказав, что между мной и герцогом ничего нет.

До поместья я доехала минут за сорок. По сравнению с пятью днями пути дорога до поместья пролетела очень быстро. И я уже стояла перед дверьми своего будущего дома. Сердце колотилось от страха. Как меня воспримет прислуга? Как я буду здесь жить? Смогу ли я перестать быть тенью самой себя, как привыкла с Маратом, и взять все в свои руки? Или пойду на поводу у неизвестной мне женщины-экономки, которая сейчас управляет домом? От страха в горле встал ком, и я не могла заставить себя постучать по железной блямбе привязанным для этого молоточком.

Я мысленно выругалась. Лилька, возьми себя в руки и вперед! Докажи этому проклятому герцогу, что ты тоже чего-то стоишь!

Зачем мне это нужно, я даже не задумывалась. Но совершенно точно нужно. Пусть этот злобный чурбан увидит, что я не перепуганная амеба, а сильная и независимая современная женщина. Ну, в смысле, современная женщина моего мира.

Я решительно взяла молоток и постучала по двери. Но за дверями было тихо. Я постучала сильнее и услышала недовольный крик:

– Да, иду я, иду!

По голосу сразу стало понятно, его обладательница настоящая бой-баба… страх тонкой струйкой пополз вверх, снова перекрывая дыхание. Но я сглотнула подступающий к горлу ком. Нет, уж. Ничего у нее не выйдет. Я справлюсь.

– Леди? – дверь распахнулась и на меня удивленно смотрела высокая, худая и нескладная женщина лет сорока с хвостиком с неприятным, неподвижным лицом. – Чем обязаны?

– Добрый вечер! – Я решительно шагнула вперед прямо на экономку. И она машинально отодвинулась, пропуская меня в холл моего дома, – меня зовут баронесса Лили, и я новая хозяйка Розанского баронства. Вот документы, – протянула я бумаги, – прошу ознакомиться…

– Ну, дак, – запнулась экономка, одетая в коричневое платье служанки. Точно такое же, как в гостинице, в которой я ночевала, – я сейчас позову госпожу Гизеллу… экономку. – Она повернула голову назад и заорала со всей мочи, у меня даже в ухе зазвенело, – госпожа Гизелла! Госпожа Гизелла! Хозяйка пожаловали!

Вот это ты, Лилька, и опростоволосилась. Приняла за экономку простую служанку. От смущения кровь прилила к щекам и они предательски загорелись. Я растеряла весь пыл, который смогла набрать для борьбы с экономкой, и расстроилась. Стояла в холле возле двери, замерев как истукан и смотрела, как со второго этажа, по широкой деревянной лестнице, украшенной неизменной резьбой, спускается элегантная и высокомерная женщина не старше сорока лет. Ее платье вовсе не было похоже на одежду прислуги. Кроме, пожалуй, белоснежного фартука, повязанного на поясе.

Она внимательно оглядела меня с ног до головы, изящно склонила голову и произнесла:

– Леди, прошу вас, – она посторонилась и рукой указала направление движения. – Верхнюю одежду можете отдать Трилл. Мы рады предоставить вам кров на эту ночь… Трилл, – перевела она взгляд на служанку, – скажи Клате, чтоб приготовила ванну в гостевой спальне, и через час подай ужин. Леди будет ужинать у себя.

И я не нашла в себе сил вмешаться и остановить ее. Я же хозяйка! Мне должна ночевать в гостевой спальне. И ужин… Может быть я хотела бы поужинать в столовой, а не в спальне. Как экономка посмела не дать мне выбора:? И почему я не смогла настоять на своем?!

Эх, Лилька-Лилька, я вздохнула, снова ты не смогла настоять на своем и проиграла. Но прямо сейчас, в кабинете, у тебя есть еще один шанс изменить свою судьбу.

– Прошу вас. Леди Лили, – экономка вежливо склонила голову и открыла дверь в кабинет, пропуская меня вперед.

И я поняла, это мой шанс. Если я не пропущу госпожу Гизеллу за стол, а сяду сама, то буду в роли хозяйки, а не просительницы. И, войдя в кабинет, я решительно прошла дальше и заняла свое место. И неважно, что при этом сильно ударилась коленом обо что-то в темноте, и теперь у меня будет синяк.

– Госпожа Гизелла, – я протянула ей документы на усадьбу, – ознакомьтесь.

Кабинет был совсем крошечным, тут помещались-то всего пара светлых шкафов с книгами, непривычно громоздкий письменный стол более темного оттенка, и два высоких кресла со светлой оббивкой: один для хозяина, второй для посетителя.. Но в остальном все было неплохо. Никакой разрухи, и никакого затхлого запаха. Как будто бы этим кабинетом регулярно пользовались.

Экономка вошла следом за мной, проигнорировав мое выступление, поставила лампу на стол, элегантно опустилась во второе кресло и только тогда взяла документы.

Изучала она их долго. Я уже сидеть устала и тихонько зевала прикрываясь ладошкой, а она все еще вертела бумаги, разглядывая их со всех сторон. Наверное, ей страшно не хотелось отдавать поместье мне.

– Леди Лили, – она наконец-то закончила читать и вернула мне Указ его величества о передаче мне поместья. – очень рады, что поместье обрело хозяйку, но вынуждена сообщить, что у нас совершенно нет денег, чтобы обеспечить вам должное содержание. И раз уж вы хозяйка, то именно вам следует побеспокоиться об этом.

– Конечно, – зевнула я нова, – вот, пожалуйста, – я нащупала в сумке заранее приготовленный первый мешочек с деньгами и, положив на стол, подтолкнула к экономке, – это вам на месяц.

Я думала, она поблагодарит меня, и мы разойдемся, но не тут-то было. Госпожа Гризелла невозмутимо развязала тесемки и аккуратно высыпала монеты на стол. Я впервые увидела местные деньги. И почему за пять дней пути я не разу не открыла мешочки и не посмотрела какие монеты там лежат и сколько их?

Экономка так же неспешно раскладывала монетки в кучки, что-то шепча себе под нос. А когда закончила, подняла глаза:

– Леди Лили, здесь жалованье только за три месяца. Вы задолжали нам за шесть… Если не рассчитаетесь с нами сегодня-завтра, то придется вам искать другую прислугу. И, собственно, денег на ваше содержание опять нет.

– Мне ничего не говорили про долги за жалованье прислуги, – воскликнула я, – и, вообще, это было до меня, трясите деньги с прежнего хозяина.

Госпожа Гизелла сложила монетки обратно в мешочек, спрятала его за пазухой и только тогда соизволила ответить.

– Я вас предупредила, леди Лили. – И прежде чем я успела что-то ответить, встала, – схватила лампу и открыла дверь в кабинет, – прошу вас… ванна уже готова, вам нужно освежиться с дороги.

Вот коза! Я мысленно выругалась. И все вежливо, с легкой улыбкой, как будто бы я непроходимо глупа. Но ничего, я справлюсь.

– Вы правы, – улыбнулась я, – уже поздно. О делах можно поговорить и завтра. И, кстати, завтракать я буду в столовой.

Экономка кивнула:

– Как скажете, леди Лили. Теперь вы здесь хозяйка.

Вот именно! И я буду сама решать за себя.

Несмотря на усталость и готовую ванну, мне больше всего хотелось обойти весь дом и посмотреть, что же мне досталось. И я попросила экономку устроить мне быструю экскурсию. Показать где здесь, что и как.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/cvetkova_alena/popadanka-dlya-gercoga

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить